

Я смотрю на огонь и думаю о тебе, Люля. Огромный камин старинного аббатства, где ныне разместился ресторан-люкс, распространяет волшебный запах дров, вокруг суетятся официанты, наша славная компания шумит за большим столом; а я, забыв о собеседниках, смотрю на огонь и думаю о тебе, Люля.

Ты тоже смотришь на огонь и вдыхаешь запах дров. Ты мерзнешь, ты затопила печь и пытаешься согреться у ее раскрытой дверцы. Ты вскрыла банку тушенки и ешь прямо из нее. Без хлеба — тебе было не до него — сюда, на холодную зимнюю дачу, тебя пригнал страх. Ты отчаянно трусиишь, и тебе неоткуда ждать помощи, потому что теперь ты только сама у себя, Люля...

Ты просишь бога тебе помочь, но и он тебе не поможет: его у тебя нет. У тебя есть только я, твой автор. Но автор не всемогущ, он не может одной фразой изменить судьбу персонажа. Нет, Люля, увы... Потому что однажды ты пришла в то же кафе, что и Принц. И все остальное столь же неизбежно, как «Аннушка пролила масло»...

* * *

«...Если ты существуешь, бог, то ты несправедлив. Ты множишь несчастья одних, методично прибавляя к старым новые, — и ты множишь утехи других, щедро одаривая благами, уже им ненужными...»

Люля оставила печку открытой и, съезжившись,

смотрела на огонь. Сбегая поспешно из дома, она не взяла с собой почти никаких вещей. На даче, конечно, было кое-что, и она нацепила на себя два свитера. Тот, что поверх, был ее старый-престарый, просторный свитер, она его не выбросила, она его любила и потому сохранила для работ в саду.

«...А если ты существуешь и справедлив, если это не ты множишь мои несчастья, то помоги мне... Помоги же!»

Пространство ничем не отозвалось. Ее мольба жалко отразилась от деревянных стен и погасла. «Глас вопиющего в пустыне, — горько усмехнулась Люля, почувствовав безответность космоса. — Бога нет».

Хотелось есть. На даче были консервы, и она вскрыла банку тушенки, которую принялась есть, не разогревая. Без хлеба, конечно, — хлеб она, гонимая страхом, даже не подумала купить.

Огонь в печке выстреливал искрами, и поленья — их еще Принц наколот, — прогорая, шумно обрушивались вниз, в звонко-рыжие угли. Терпкий дым пощипывал глаза.

Она не могла поверить, что ее хотели убить. Это было слишком диким. Невероятным. Мозг тупо бастовал вопреки очевидности.

И все же... Две попытки наезда. Тогда, в первый раз, ей и в голову не пришло, что кто-то намеревался ее переехать. Решила, что какой-то козел спяну... «Козел» дал деру, с трудом вывернув машину, почти заскочившую на тротуар.

Но когда ее едва не сбила машина во второй раз, она спросила себя: а случайность ли это?

«Да нет, — урезонила она себя, — конечно, случайность!» Это множатся ее несчастья, которых и без того хватает со смертью Принца. Говорят ведь: беда не приходит одна...

* * *

Принц... Они познакомились банально: в кафе. Ей пришла в голову идея; она достала из сумки блокнот с карандашом и, отодвинув чашку с чаем, принялась делать набросок платья: все мечтала, что ее талант оценят и возьмут в какой-нибудь приличный клан модельеров.

Он обходил ее стул сзади со стаканом сока в руке и с любопытством заглянул в блокнот.

— Ух ты, здорово! — сказал он. — Особенно вот эти косые параллельные линии, — он указал стаканом поверх ее головы, и капля сока упала ей на щеку, — шляпка, лиф, а потом вот эта вздернутая линия юбки... Вы, наверное, думаете продеть в подол проволоку, чтобы удержать эту линию, словно вздутую ветром... Я прав?

Она обалдела. Постойте, это как же получается? Сидит она совершенно случайно в неизвестном кафе и делает наброски... а к ней совершенно случайно подходит какой-то модельер... совершенно случайно оказавшийся в этом кафе... и начинает хвалить ее эскизы? Модельер — один из тех, до которых она так и не сумела достучаться за три года в Москве?! Помилуйте, но так не бывает! Нет, не бывает!!!

— Назовите вашу модель знаете как? «Унесенная ветром»!

Он снова махнул над ее головой стаканом, и новая капля упала ей на щеку.

Она решила разбить наваждение прямой наводкой:

— Вы — модельер?

— Нет.

Все правильно. Она же только что сказала себе: так не бывает.

— Но вы в этом что-нибудь понимаете? — с иро-

нией, под которой все еще таилась надежда, она отправила вопрос куда-то поверх своей головы.

— Не-а. Ничегошеньки, — раздалось сверху. — Просто у меня предпоследняя любовница была манекенщицей — вот некоторые словечки в ушах и застряли... Но ваши эскизы мне нравятся. Честно.

Наконец они посмотрели друг на друга. Она — задрав голову, вверх и назад, он — опустив свою к ней. Что-то в соприкосновении их взглядов произошло, во всяком случае, мышцы шеи вдруг болезненно сжались в кратковременном параличе... Может, она просто слишком сильно закинула голову назад?

Он, словно догадавшись, вышел из-за ее спины и встал сбоку.

Они снова посмотрели друг на друга. Она, тощая дылда, у которой все свитера дырявились от слишком острых локтей, с небрежно забранными в «конский хвост» темными волосами и с глазами холодной синевы, за которой было очень легко прятать боль и тоску. И он — большой, плотный, кареглазый, лет на восемь-десять старше. Одет он был чрезвычайно просто: джинсы и небрежно выбивающаяся из них светло-голубая рубашка в темную полоску, под которой был заметен небольшой животик; рукава завернуты. Несмотря на кажущуюся простоту и небрежность, одежда его была качественной, неброско-дорогой — это она сразу заметила; а сам он был вопиюще уверенным в себе. Такими уверенными бывают либо полные дураки, либо добившиеся всего в этой жизни люди, окончательно расставшиеся со всеми мыслимыми комплексами... На дурака он никак не был похож, скорее он мог бы сойти за второй вариант...

Если бы не эта небрежная и даже нарочито небрежная манера одеваться...

И если бы не чертики, игравшие в пятнашки в его глазах!

Эти чертики заинтриговали ее. Она даже улыбнулась украдкой.

— Вы огорчились, да? А я, пожалуй, рад, — заявил он, — потому что иначе бы вы немедленно использовали мою постель как корабль... или скорее как плот... В общем, как средство въезда в мир моды. Вы ведь туда хотите попасть, верно?

Ну надо же! Какая наглость! Люда так опешила, что только хлопнула ртом, не найдя что ответить.

Чертики в его глазах притихли, насмешливо и внимательно наблюдая за сменой выражений ее лица.

— Я вас обидел? — Он улыбался.

— Вы... Вы просто хам! ...Самоуверенный хам, — подумав, добавила она, сердито убирая блокнот в сумку.

Он довольно кивнул — согласился. Чертики тоже закивали, дразнясь и строя рожи.

— Ваш номер телефона?

Она растерялась. Какой-то он странный, этот тип.

— Или вы для вступления предпочитаете порцию пошлостей?

— Вы мне их уже наговорили, — сухо ответила она.

— Да что вы, разве? Вы ошибаетесь. Это жизнь пошла и люди пошлы, а я только констатировал факт. Разве женщины не спят с мужчинами ради карьеры? Впрочем, наоборот тоже.

Она не знала, что ответить. Схема, конечно, жизненная... Но зачем он ей все это говорит? Она совершенно не собирается с ним... Ни за карьеру, ни без!

Он отодвинул стул и сел за ее столик. Поставил свой стакан — грейпфрутовый сок, кажется, — немного наклонился к ней и негромко проговорил без всякого выражения:

— Я уже давно смотрю на вашу спину, и она мне

нравится. Я недавно смотрю на ваше лицо, и оно меня не разочаровало. Я вас не соблазняю, не принуждаю и не оболещаю. Мне просто хотелось бы еще раз на вас посмотреть... Я бы пригласил вас поужинать со мной сегодня, но я занят. Поэтому давайте так: мы сейчас меняемся телефонами, потом договариваемся о встрече и знакомимся.

— Зачем? — Она взяла себя в руки. — И кто вы такой?!

— О, видите, вы уже начинаете знакомиться! Что же, рад представиться: Принц. Пребывающий в поисках Золушки.

Он произнес это с самым серьезным видом, но чертики куролесили в его глазах.

— Да вокруг Золушек пруд пруди, — огрызнулась она, не понимая, как относиться к услышанному. — Чего их искать? Они сами на шею готовы вешаться... Если вы, конечно, и в самом деле *Принц*. По крайней мере, размерами вашего кошелька. — И она несколько саркастически окинула взглядом его одежду.

— Я-то? Поверьте, я Принц вполне состоятельный... А те, о которых вы говорите, — они не Золушки. Они мачехины дочери — охотницы за Принцами. Мне охотницы не нужны — мне нужна Золушка. Скромная и бедная.

— Зачем?!

— Страшно хочется ее осчастливить... — Он посмотрел на часы. — Понимаете, очень трудно осчастливить такую, у которой уже все есть. Не бедную и не скромную. И не работающую.

— А, поняла, вы ищете домохозяйку! Или домработницу?

Он посмотрел на нее с усмешкой. Похоже, его забавляли ее маленькие атаки. Но чертики вдруг сделались серьезными.

— Работающая — это та, которая полагается на се-

бя. Такой хочется помочь. А не работающая ищет, на кого бы положиться... Хм, на тему «на кого положиться» у меня сразу три шутки образовались в голове, но вы ведь опять скажете, что это пошлости? Не, не стану рисковать... Так вот, не работающей помочь невозможно, потому что она ничего не делает. А это скучно. Ну, так что? Меняемся телефонами?

— У меня телефона нет... — буркнула она.

— Живете на снятой квартире где-нибудь в Бибиреве, — он окинул ее внимательным взглядом, — в обшарпанной старой квартире... или даже комнате, которую вам сдала какая-нибудь старушка... Денег нет, телефона нет, мужчины нет, работы нет... И, скорей всего, московской прописки нет. В общем, первый экзамен на Золушку вы прошли!

Чертики догоняли друг друга.

Если бы не они, она бы давно отшила этого нахала!

Но чертики догоняли друг друга...

— В Химках, — пробормотала она.

— Спасибо за уточнение. Это что-нибудь меняет в картине Золушкиной жизни?

— Нет... — Она чувствовала себя совершенно подавленной. Как он ее обрисовал, этот наглец в небрежной одежде! Неужто от нее веет такой безысходностью и нищетой, что...

— Просто вы спрашивали телефон, — вдруг вскинула она гордо голову. — У меня его нет. Так что запишите адрес.

— Bravo! — рассмеялся странный мужик, представившийся Принцем. — Говорите, я запомню.

Она вдруг догадалась: это у него такой отработанный прием знакомиться! Он наверняка давно придумал этот ход и не раз его испытывал на практике — действует безотказно. Вот теперь и она купилась, как дурочка! Может, он вообще маньяк какой-нибудь?

— Задумались, — констатировал Принц. — Ис-

пугались? Грабить вас неинтересно: у вас ничего нет, даже московской прописки... А вдруг я маньяк? — перебирал он с рассудительным видом варианты, объясняющие ступор, в который она ненадолго впала. — С этим труднее. А вдруг я и впрямь маньяк? — проговорил он озабоченно.

Чертики рухнули от смеха, хватаясь за животики.

— Знаете что, — вдруг обрадовался он. — Вы ведь сказки читали? Тогда вот вам доказательство: Принцы никогда не бывают насильниками! Да еще и помешанными! Они всегда добрые и благородные.

— А вы — Принц, — ехидно проговорила она.

— Ну да.

— В поисках Золушки, — уточнила она тем же тоном.

— Я же вам уже сказал!

— Тогда вам остается спросить размер моей ноги, — ответила она.

И чертики задрыгали ножками от радости.

— Я и так знаю: тридцать восьмой, верно? Мой самый любимый размер!

— А если бы он оказался тридцать шестым?

— О, это бы меняло дело! У меня ведь башмак уже приготовлен. Точнее, два. Очень хорошеньких итальянских башмака...

Чертики уже плакали от смеха, но лицо его осталось серьезным.

— От позапрошлой любовницы остались?

— От манекенщицы? Что вы, у нее сорок первый! Нет, от прошлой... Но она их не носила, уверяю вас! Мы успели расстаться раньше... Совсем новые башмачки, чесс... слово!

Весь этот бред сумасшедшего ее не убедил нисколько. Но она поверила — *чертикам*.

— Валяйте, запоминайте.

И она назвала адрес.

Он приехал только в выходные, через пять дней, за которые она полностью успела забыть о той волне, утянувшей на мгновение их взгляды в запредельные измерения. Он приехал и сказал:

— Ну, давайте знакомиться.

Только сейчас она сообразила, что даже не спросила, как его зовут.

— Владик. Паспорт нужен? Я не женат.

— Да я, собственно... — пробормотала она.

— Вы не интересовались, я понял. А вас как зовут?

— Люда. Людмила.

— Это нехорошо, — покачал он головой, — у женщины должно быть нежное имя, вкусное и гладкое, как монпансье... Люда — слышите, как твердо звучит это «д»? Как удар об стенку¹... Люда, Люся, Мила... — забормотал он.

Она подняла глаза и посмотрела прямо в его зрачки. Чертики махали хвостиками и строили рожицы.

— *Люля!* Я вас буду звать «Люля»!.. Вы не против? — спохватился он.

Она пожала плечами. Ей, по правде говоря, было все равно. Вернее, на самом деле ей даже стало приятно, что кто-то вдруг озаботился ее именем.

— У вас чертики в глазах, вы знаете? — неожиданно для себя произнесла она.

— Не бойтесь, Люля, они совсем ручные!..

Она давно так не ела: так вкусно и так много. Старалась есть не жадно, но ей все время казалось, что чертики с издевочкой подглядывают из-за его рес-

¹ Автор просит всех Людмил не обижаться и принять к сведению, что это личное мнение персонажа романа по имени Владик!

ниц. Владик, к счастью, ничего не сказал, только заказал ей еще еды.

Потом расспрашивал. Она рассказывала. И про мать, спившуюся давно, и про несуществующего отца, и как шила, зарабатывая деньги на хлеб, и как у нее получалось оригинально, и как одна клиентка принялась вдалбливать ей в голову, что у нее настоящий талант, что надо ехать в Москву...

— Она говорила: такой талант с руками оторвут!

Но в Москве никто ничего не отрывал. Она пошла сначала к Бурову, звезде модных подиумов. До него не допустили, какая-то фифа попросила оставить рисунки. Их вернули через неделю со словами, что не подходят... А на следующем показе моделей три платья были по ее эскизам! Пресса всячески расхваливала Бурова, отмечая «свежесть новых идей», усмотренную в тех самых платьях...

Люля пошла снова к фифе. Предъявила эскизы.

— Вы их у меня украли, — сказала она. — Это подло.

— Вы что, девушка? — Фифа смотрела на нее с нескрываемо наигранным изумлением. — Да я вас в первый раз вижу! Вы срисовали платья из коллекции Бурова — по телевизору небось видели? А теперь пытаетесь шантажировать уважаемого модельера?! Убирайтесь вон, пока я милицию не вызвала! И больше никогда здесь не появляйтесь, от души вам советую! — с презрением закончила она.

Пережив этот шок, Люля взяла себя в руки и отправилась дальше пробиваться: ведь для этого она и приехала в Москву! В приемной следующего модельера («кутюрье», извините) Люля была осторожнее: эскизы оставлять не захотела. Ей отказали сразу.

В третьем она решила оставить, но попросила расписку. Очередная фифа сходила куда-то и сообщила, что никаких расписок не будет. Либо она ос-

твоя, либо убирается в свой карман. Люля выбрала последнее.

Больше она никуда не ходила. Повезло — через соседку стала получать немножко заказов на пошив-перешив... Чем и зарабатывает.

— Зачем я вам? — спросила Люля.

Она себя не считала красавицей, да и не была ею. Ее довольно высокий рост и излишняя худоба всю жизнь вызывали у нее комплекс неполноценности. Она всегда сутулилась, съеживалась, обхватывая себя руками, словно озябла... И лицо так себе, среднее, ни два ни полтора. Одним словом, товара под названием «женская привлекательность» у нее не имелось. И продавать этому странному Владу ей было нечего. Разве только костюм на заказ.

— Вы даже не поверите, как все просто, — усмехнулся он. — Я ищу женщину, в которую мог бы влюбиться. Ужасно хочется влюбиться, по-настоящему так, до одури. Я слишком долго искал себя, пора найти кого-нибудь себе.

— Вы что, хотите сказать, что вы в меня можете влю... — Она так опешила, что даже не отважилась повторить слово.

— А вот мы и посмотрим. Я же сказал: давайте знакомиться. Познакомимся, а там... как получится. Может, выйдет у нас такая печальная история, что я влюблюсь, а вы нет!

Чертики немедленно зарыдали в голос, театрально припадая друг к другу на плечи.

— Да чем же я вас заинтересовала? Ничего такого во мне...

— Есть, есть, — заверил Владик. — Вы просто кокетничаете, на комплименты напрашиваетесь. Я большой знаток женской природы, к вашему сведению, — нахально заявил он, откидываясь на спинку кресла,

и чертики одобрительно засвистели, засовывая кружочки пальцев в рот.

— Да нет же! Вот если бы я была топ-модель или какая-нибудь там...

— Да я ж влюбиться хочу, а не обрамить свое не-совершенное мужское тело совершенным женским! Кстати, вас не смущает мой лишний вес?

Люля наконец улыбнулась.

— Если наш вес сложить, а потом разделить на два, то как раз идеальный и выйдет...

Они «знакомились» еще месяц, влюбляясь стремительно и смертельно. Все Золушки мира могут отдыхать — такого Принца, как Владька, они даже в мечтах не видели. Он и впрямь оказался далеко не беден — принц не Принц, но вполне состоятельный, как он выразился...

Господи, какая ерунда, главное, что у него оказалось очень-очень много любви. Для нее.

И потому она стала красавицей. И потому все признали ее талант. И потому она начала работать на один из лучших домов моделей. И потому она стала намного уверенней в себе и научилась носить красивые платья, и не стесняться своей худобы, и не сутулиться, и...

Она любила его, боже, как она его любила! Она бросалась на него, когда они возвращались домой, она стаскивала с него рубашку, целуя показавшийся в разрезе «лишний» живот, и он, смеясь, отбивался, и чертики веселились и ликовали, шкодливо подсматривая за ними... То, что у них было, не называлось сексом, то, что у них было, называлось *любовью*, и все возможные на свете ласки служили всего лишь языком, на котором она изъяснялась.

Все было так, именно так — сказочно красиво, до

одури счастливо, пока он не погиб. Разбился с другом на машине.

Друг выжил. А ее Владька, сокровище, ее счастье, ее Принц, — погиб...

Она чуть руки на себя не наложила. Всего два, крошечных два года счастья из всей ее несчастливой тридцатилетней жизни. И все, и больше нету. И уже никогда не будет. Потому что второго такого, как Владька, не существует во всем мире.

Она почти забросила работу. Она снова стала дурнушкой. Она снова стала зябнуть и обхватывать себя руками, наклоняясь немного вперед, будто у нее болел живот.

Она, лишенная его любви, перестала любить себя.

* * *

...От солнца никуда не деться. Он закрыл глаза, но оно сверкающим острым лезвием вскрывает веки, как створки устриц, и больно надрезает роговицу. Кажется, выступили слезы.

«Он плачет!»

Вот ведь странные люди — казалось бы, ну пришли уже на пляж, так купайтесь, загорайте, играйте в волейбол, наконец! Но нет же, кому-то есть дело до него, кто-то на него смотрит: «Он плачет...»

Зачем он лежит на пляже под раскаленным солнцем? Он не любит пляжи, ненавидит валяться без дела, надо открыть глаза, встать и уйти отсюда!

Но во всем теле такая слабость, нега, оцепенение... Лень пошевелиться. Он, кажется, заснул ненадолго. А на пляж, вдруг вспомнилось, он потащился из-за жены. И лежит теперь, как мешок...

На какой пляж? Он что-то никак не сообразит, где он. На пляже, это понятно, но на каком? Где?

В Пицунде? На французском Лазурном берегу? В итальянском Милано-Маритимо?

Это потому, что он спит. Не проснулся еще. Если проснуться и аккуратно, под козырьком руки, осмотреться... А, вон и жена. Стоит, руки раскинула под солнцем, чего-то ей не лежится. Ну ясно, это она свое тело показывает народу. Чтоб никто мимо не прошел. Показывать есть что: длинное, стройное, золотистого загара... У них с дочкой красивый загар, ровный, с золотым отливом, без плебейской черноты. И три микроскопических треугольника ярко-бирюзовой ткани спереди да две ниточки сзади: одна поперек спины, вторая в попе. Купальники нынче такие в моде странные — ниточка в попе и маленькая нашлепочка на эпилированном лобке, да две тряпочки едва соски прикрывают. На дочке такой же срам, только черный с золотом. Вон и она, рядом, на животе валяется, ногами болтает в воздухе. Ее круглая золотистая попа приковывает к себе взгляды всех особей мужского пола от одиннадцати до восьмидесяти лет. Книжку читает какую-то, любовный роман, поди. И глазом аккуратно косит по сторонам: собирает мужские вздохи. Ох-хо-хо, семейка...

Когда-то он мечтал именно о такой женщине, как его жена. Красивой, породистой, знающей себе цену. Вспомнилось, как пацаном, черным от анапского солнца аборигеном, он бегал на пляжи, где под присмотром вожатых выпасались беленькие москвичи — у них там было несколько пионерских лагерей на отшибе города, со своими пляжами. Какие там были девочки, московские девочки! Вроде и ничего особенного, в Анапе вроде такие же, разве что москвички незагорелые, — а все же разница! Как они сидеть умели прямо; как ходить умели, покачивая бедрами; как голову держали навскид; как смотрели на него с любезным презрением... Лагерь Боль-

шого театра и театрального общества какого-то — там балеток было много, из училища балетного. Ножки так ставили — взлет, бровки так вскидывали — на-смерть... А пацаны? Ему ровесники, шелупонь, — а уже ручку крендельком сворачивали, барышням подавали, а сами зенками шашть-шашть по купальникам, по вчера наклюнувшимся округлостям... А во-жатые? Ему-то с шелковицы хорошо было видно: сидели кучкой и неприкрыто обсуждали девчонок, даже пальцем иногда показывали...

...А он им однажды корову на пляж пригнал. Вот уж позабавился, сидя на шелковице! Москвичата-то в жизни коровы не видели! Визгу было да писку! Корова-то всего ничего: телка двухлетняя. Она сама их испугалась до смерти! Но эти, эти, московские мерзавчики, которые ручку крендельком, ох как прытко бегали! Двое даже на крышу навеса залезли, барышень своих побросали! А барышни, вереща, сиганули в море и торчали там, по пояс в воде, пока он корову не увел. Одна даже ему «спасибо» вдогонку крикнула, благодетелю...

Вот такую он себе жену и нашел. Как те девчонки. Чтоб ходить умела, и смотреть умела, и сидеть умела...

Умеет. Да толку-то? Смотрит все не на него, все по сторонам смотрит Ленка. Да и то, чего на него смотреть? Его лица за животом и не видно. Когда он ле-жа — так посредине гора. А за горой — ступни с одной стороны, да уши с другой. Смотреть не на что. И незачем. Лишь бы деньги давал. А он дает. Леночка ему давно по фигу, а он ей — еще давнее. И дочке тоже. Она вся в маменьку: и сидит, и стоит, и ходит, и смотрит... Как те москвички гордые... Да нынче они и сами москвичи, чего там! И получше коренных устроены. Квартирка на Патриарших, дом в три этажа на Рублевке...

Первый несостоявшийся наезд в некотором смысле пробудил ее от горя. «Я все еще хочу жить», — грустно усмехнулась Люля, вспомнив, как ловко увернулась она от машины.

Вторая попытка наезда ее испугала. «Я все еще хочу жить... Как ни странно», — подумала она, но уже без усмешки. Второй наезд — это совсем не смешно. Это похоже на намерение ее убить.

Но Люля еще колебалась, еще не могла поверить, что это не случайность. Она уговаривала себя, что просто совпадение, потому что беда не приходит одна. Потому что со смертью Владьки все рухнуло... Он был не просто ее счастьем — он был ее талисманом, охранявшим ее от зла.

И теперь все разрушительные силы мира вырвались на свободу и набросились на нее, оказавшуюся без защиты, без магического талисмана по имени Владька. Принца с чертиками в глазах, игравшими в пятнашки...

Вся мистика вылетела из ее головы, когда поздним вечером она услышала за собой топот и увидела компактное стадо подростков, сосредоточенно мчавшихся к ней. Длинные ноги хоть чему-то послужили — почти скачками Люля добежала до подъезда и захлопнула за собой дверь с кодовым замком. Консьержки в этот час не было, да и разве спасет она Люлю, если парни знают код?

Люля, не дождавшись лифта, рванула наверх через две ступеньки на третью: дверь-замок-ключ — и она внутри квартиры!

Она подержала в руках телефон, готовая вызвать милицию при малейшем подозрительном шорохе за

дверью, но все было тихо, и из окна никого не было видно.

С трудом отдышавшись, она рухнула на кровать и долго плакала. «Владька, Владька, зачем ты меня бросил одну?! У меня ведь никого нет, никогда и не было, кроме тебя...»

Наплакавшись, она задернула поплотнее занавески и зажгла свет. И думала, заваривая чай, о том, что подростки могли помчаться за ней и просто так, но после двух попыток наезда уже не верилось... Одежда она была скромно, после смерти мужа совсем не хотелось носить дорогие платья, и они висели в шкафу, как мемориальная экспозиция его подарков. Так что мысль об ограблении Люля отбросила напрочь. Изнасиловать? Всякое может быть. Обкурились и пошли «развлекаться»...

Но мысль о связи между наездами и табуном подростков не выходила из головы. Они мчались молча и сосредоточенно. Если бы они были просто случайными подростками, пусть даже обкурившимися, они бы вступили в какой-нибудь гнусный разговор, типа: девушка, куда вы так торопитесь? А они, едва ее завидев, помчались за ней *молча и целенаправленно*...

Кто-то их на нее натравил... Кто-то хочет ее убить?!

На вопросы «кто?» и «почему?» у нее не было даже тени ответа.

Она пошла в милицию.

— А номер машины заметили?

Она не заметила. Не до того ей было, жизнь спасала... Ненужную жизнь, но инстинкт оказался сильнее.

— А с чего вы взяли, что подростки — не случайные мальцы, которые помчались вслед, завидев одинокую женскую фигуру ночью?

С чего она взяла... С того! Впереди нее прошла

через двор женщина, вполне одинокая и, судя по одежде, молодая, но ее никто не преследовал... Они появились из-за гаражей, как только Люля (и именно она!) вошла во двор (и именно тогда!).

— Маловато будет, — говорил следователь. — Из местных были, из дворовых? Или чужие? Лица запомнили?

Какие, к черту, лица? Она от страха даже обернуться не посмела!

— И что же вы от меня хотите? — удивился милиционер.

— Не знаю, защитите меня как-нибудь!..

— Нету у нас таких средств, чтобы приставить к вам охрану! Покушения на вас никак не доказаны — номера машины не помните, в моделях не разбираетесь, подростков описать не можете... И чего мне расследовать?

— Что же делать? — недоумевала Люля. — Меня ведь пытаются убить!

— А доказательства, где они? — разводил руками милиционер в приемной ближайшего отделения.

— А если меня убьют?!

— Вот тогда доказательства и будут, оставьте пока заявление. В случае вашей смерти будем разбираться, — произнес он, с ненавистью глядя на ее кольцо с крупным изумрудом, Владькин подарок.

Она пошла к выходу, сутулясь и обхватывая себя руками, словно у нее болел живот.

— Людмила Афанасьевна! — окликнул ее вдруг милиционер и поманил пальцем. — Обратитесь в частное бюро охраны, мой вам совет. — Его голос звучал уже мягче, надо думать, сутулая ее спина чуть разжалобила. — Мы тут связаны процедурой, правилами, а они только деньгами. Если можете заплатить, — его взгляд снова нашел кольцо с изумру-

дом, — то никто вам на мозги капать не будет, что да почему. Хозяин барин. Хотите, чтобы вас охраняли, — будут охранять.

Деньги были. Люля долго и придирчиво выбирала охранника, задавая себе вопрос, каким таким образом он может ее охранить от озверевшей машины, к примеру...

Предлагали ей и женщин — их было двое в агентстве. Их лица вполне освоились со стандартом «непроницаемости», но взгляд остался типично женским, любопытным. Вместе это плохо сочеталось, казалось, глаза подсматривают за ней из засады каменных лиц. Эти глаза все хотели знать о ней, они лезли в ее душу и в ее историю.

Она остановилась на мужчинах: если взгляды тех куда и лезли, то только под юбку. Это было куда менее чувствительно, чем в душу.

Она выбрала одного, плечистого и большого.

Плечистого и большого убили через два дня бесшумным снайперским выстрелом. Именно в тот момент, когда он обходил Люлю, решив занять положение справа от нее.

Милиция не сумела установить, откуда он был произведен, — сказали только, что стреляли с небольшого расстояния. К примеру, из припаркованной к обочине машины.

— Непрофессионал, — подытожили в милиции. — Был бы грамотный киллер, вы бы от него не ушли!

Они умеют утешить, эти люди в погонах!

Люле стало ясно одно: маскировка под несчастный случай больше не прельщала раздосадованного убийцу. Он перестал прятаться, он заявил недвусмысленно, что хочет ее убить. А в том, что метили в нее, она не сомневалась.

И тогда она сбежала на дачу. Думая о том, что ее найдут и тут.

У Владьки было две дачи — Люля за два года так и не приучилась говорить «у нас», — новая каменная и старая деревянная. Она больше любила старую развалюху, пахнущую деревом, с настоящей печкой, а не с центральным отоплением. Та, другая, — она не была дачей, она была *загородным домом*. А Люля любила *дачу*... Владька обещал привести ее в порядок, он вдруг вместе с ней тоже полюбил приезжать сюда. Они возились на участке, сгребая ветки и листья, а потом жгли терпкий костер и пили чай. Или вино. Или пиво.

Наверное, потому она и рванулась сюда, на *дачу*, не успев подумать как следует. *Загородный дом* — он был на охраняемой территории, да и в самом доме запоры были нехилые, сигнализация... Ах, как глупо она поступила! Конечно, надо было ехать туда! Здесь-то замков всего ничего — одна радость, внутренний засов, который нельзя открыть снаружи. А на участок даже младенец проберется.

Пока, за последние три дня, — свят-свят! — ничего не случилось. Но завтра же надо будет переселиться в дом. Там она будет в безопасности!

Однако мысль о том, что понадобится выйти из старой, ветхой дачи, пугала ее. Эти стены хоть как-то ее защищали. А в открытом пространстве она станет легкой мишенью. Машину Люля не водила, значит, добираться до станции, ехать электричкой... А там ее труп обнаружат на железнодорожном полотне?

Неожиданно она придумала: надо связаться с охранным агентством и попросить прислать к ней охранника с машиной. Он и перевезет ее в дом!

Рано утром, с началом рабочего дня, она обо всем договорилась. Обещали назавтра: раньше агентство не могло выполнить ее заказ. Услуга стоила очень

дорого, но деньги были. Это единственная малость, что осталась ей от Принца: его деньги...

И еще имя *Люля*.

* * *

«Что делать, когда тебя убили?»

Нет, не так. Сила — дурень из Сибири со смачным именем Силантий — вот как хохмил: *«Что делать, если тебя насилуют?»* — *«Расслабиться и получить максимум удовольствия»*. — *«А что делать, когда тебя убивают?»* — *«Расслабиться и умереть»*.

Как давно это было — мехмат, сокурсники, университет, экзамены... В другой жизни и в другой стране. И в веке другом, между прочим. И Сила, дурень сибирский, полный тупица, хоть учился вполне прилично, приехал из своей тайги навестывать упущенное, к культуре и цивилизации столичной приобщаться. В основном в виде дешевых анекдотов и еще более дешевых пьянок в общежитии с грошовым портвешком и грошовыми девочками...

Кой черт он вспомнил Силу? Он его сто лет не видел и, бог даст, еще столько же не увидит! А-а, вот почему: что делать, *когда тебя убили?*

Черт, он опять заснул. И бред какой-то приснился: Сила, дурень сибирский... Надо проснуться. Кажется, сейчас ночь... Никак не сообразить... Он дома, спит в своей кровати и даже слышит тихое дыхание жены — отдаленное дыхание: у них кровать на шесть персон, так она последние годы спит на месте шестой, если его считать первым...

Что у нас сегодня — выходной? Рабочий? Скоро ли вставать?

Господи, да надо ж наконец проснуться!

И он открыл глаза.

— Ну наконец-то!

На него умильно смотрит женщина средних лет в белом халате.

— Вот уже вторые сутки ресничками моргаете, а я все жду-жду: когда же пробудиться изволите? Дежурю тут у вас, чтобы не пропустить! Ну вот и ладненько, проснулись! Добро пожаловать, дорогой Владислав Сергеевич, с возвращением вас!

Он неуверенно пошевелился. Он ничего не понял из речей женщины в халате.

— Вы кто? — разлепил он с трудом губы.

— Вот водичка, попейте!

Она приподнимает его голову вместе с подушкой и поит его из кружки с носиком. Теперь он замечает капельницу, иглу в вене его левой руки. За окном сидит солнце.

— Я в больнице?

Голос совершенно чужой. Это не его голос, не его! Он не может говорить таким голосом — хриплым, словно Высоцкий. Еще один сон, только и всего. Он никак не может проснуться.

Он откидывается вместе с подушкой обратно, ловит на себе умильный взгляд женщины и закрывает глаза.

— Вот и хорошо, — доносится до него. — Поспите, поспите, вам необходим сон. Вы еще очень слабы после комы...

Вкус воды во рту. Настоящий. Свежий вкус воды, омывшей его залежалые десны.

— Вы сказали — комы? — Он не открыл глаз.

— Да вы поспите, теперь это будет нормальный, хороший сон, а потом поговорим. Ладно?

— Я был в коме?

— Послушайте, Владислав Сергеевич, — неуверенно произнесла женщина, — если вы не собирае-

тесь спать, то я тогда завождением позову — он велел позвать, когда вы выйдете...

— Из комы?

— Да, из комы, — несколько раздраженно ответила женщина. — Я не должна говорить с вами, тут нужен психиатр. Подождите, раз спать не хотите.

Он открыл глаза и приподнялся на локте.

— Я не Владислав Сергеевич, — крикнул он вдогонку белому халату и увидел, как мелькнуло ее обернувшееся недоуменное лицо в проеме двери.

Он провалился в сон, на этот раз без сновидений, но неглубокий, должно быть. Потому как услышал шепот:

— Не будем его будить. Отложим на завтра.

— Вы меня извините за беспокойство, Валерий Валерьевич, но он проснулся и стал задавать вопросы...

— Не страшно. Вы правильно сделали, что позвали меня. Но сейчас не имеет смысла его трогать. Введите ему успокоительное, Зина, пусть поспит до завтра...

— Не надо успокоительное, — сказал он, открыв глаза. — Я хочу узнать, почему я в больнице.

Его вопрос застал доктора уже в дверях. Тот расплылся в радостной улыбке.

— С возвращением, дорогой Владислав Сергеевич! Мы рады вас приветствовать...

Какая-то туфта. Он поморщился.

— Ближе к делу можно? Что со мной произошло? Почему я в больнице?

— А вы не помните?

— Нет.

— Нет, — удовлетворенно подтвердил доктор. — В вашу машину врезался грузовик. После чего вы потеряли управление. Вы вылетели от удара через пе-

реднее стекло и весьма неудачно приземлились на пень... Не помните?

— Нет.

— Вернемся к разговору завтра. Вы только что вышли из комы. Выводы делать не будем — память вполне может вернуться к вам завтра. Договорились, Владислав Сергеевич?

— Я не Владислав Сергеевич.

— Хорошо, — согласился доктор. — А кто вы?

Он подумал. На ум ничего — ничего! — не приходило.

Доктор кивнул, будто примерно такой реакции и ожидал.

— Не исключено, что у вас амнезия. Но выводы будем делать завтра, ладно? Постарайтесь пока что уснуть.

— Не хочу. Я давно в коме?

Медсестра Зина, женщина в белом халате и с умильным лицом, протирала его руку ваткой и уже навострила шприц.

— Около десяти месяцев. Это не так уж много, знаете ли... Завтра, дорогой Владислав Серг...

— Я не Владислав Сергеевич.

— Хорошо. Пожалуйста. Скажите, как вас зовут?

Он морщил лоб. И видел почему-то снова пляж. И жену в рост, и дочку — попой кверху.

— Не помню... У меня есть жена и дочка... Вы им сообщили?

— Завтра, все завтра. Зина?

— Через минуту заснет...

Яркое солнце в большом чистом окне. Оно нагрело его скулу и слезит глаза. Это из-за него ему приснился пляж?

Он больше не хотел снов про пляж.

— Можно задернуть занавеску?

— Проснулись? Отлично! Зина, опустите шторы! Давайте знакомиться. Меня зовут Валерий Валерьевич. Я ваш врач. А вас как?

Молчание. Он разглядывал врача в оцепенении.

— Я в коме? — наконец проговорил он не своим, странным голосом.

— Нет, вы уже не в коме. Уже нет, понимаете? Вы из нее, слава богу, вышли.

— Да... — Он соображал с трудом, мысли разбежались и прятались в щели, как ящерицы на старой, прокаленной южной жарой каменной стене. И ни одну нельзя было ухватить за хвост. А если и удавалось, то в пальцах оставался только его обрывок. — Раз я говорю с вами — значит, вышел... Я ведь не сплю?

— Не спите, дорогой Владислав Сергеевич. Вы вышли из комы практически без потерь, с чем я вас от души поздравляю! У вас сохранились все моторные рефлексy!

— Я не Владислав Сергеевич!

— Хорошо, — согласился врач. — А кто вы? Как ваша фамилия?

Он молчал. На ум ничего не приходило.

— В каком году вы родились?

Молчание.

— По какому адресу проживаете?

Молчание.

— Не расстраивайтесь, — произнес врач сочувственно. — После комы это часто бывает...

— Амнезия?

— Она самая... Удивительно, что вы помните слово.

— Я много чего помню, — буркнул он недовольно.

— Только не все, — кивнул врач. — Частичная амнезия. Что ж, будем восстанавливать память потихоньку.

— Почему я здесь? Что со мной произошло?

— Вы, Владислав Сергеевич, попали в автокатастрофу. Вас выбросило из машины...

Врач внимательно вглядывался в его лицо, словно собирался зафиксировать каждую перемену в его выражении. Но лицо пациента ничего не выражало. Тяжелые черты остались неподвижны, только в глазах светился требовательный вопрос.

— Вы получили серьезное сотрясение мозга, множественные локальные кровоизлияния в мозг... Я говорю понятно? Вам эти слова знакомы?

— Дальше!

— Что именно вы хотите узнать?

— Что значит «попал»? Кто в кого попал?

— Вы врезались в грузовик. Это не ваша вина, водитель грузовика нарушил правила движения. Он был пьян.

— Я был один в машине?

— Нет.

— Кончайте тянуть резину! — раздраженно распорядился пациент. — Если вы будете после каждого слова ждать, что я что-то вспомню, то я до вечера не услышу, что со мной произошло! Рассказывайте все подряд! Кто был со мной в машине? Что с ними?

— Ваша жена... — И врач опять замолчал, будто ловя его реакцию.

— Доктор!

— Извините. Ваша жена и ваш друг...

— Ну?!

— Они погибли... Оба.

Пытливый взгляд доктора раздражал неимоверно: он просто лез в кишки.

— У меня есть кто-то еще из близких?

— Есть, дочь. Она учится в Англии. Ей сообщили о вашем выходе из комы, но она, к сожалению, приехать не сможет: у нее слишком плотный график учебы.

— И больше у меня никого нет?

— Насколько мне известно, других близких родственников нет. Возможно, друзья...

— Нет. Это был мой самый лучший друг.

— Ага, вы это помните! Как его звали?

— Не знаю. А жену — Лена. — Он прикрыл глаза.

Врач надоел ему.

— Елена, — кивнул врач. — Что еще припомните?

— Дочь... Купальник черный с золотом... Красивое тело, золотистая кожа, пляж в Анапе...

— По нашим сведениям, в последний раз вы отдыхали на пляжах Италии с семьей в прошлом году. В Анапе вы с семьей не бывали. Вы там родились.

Анапа. Белый город, черный загар. Бледные москвички, чья кожа постепенно озолачивалась солнцем...

— Дочь как зовут?

Тихо. Он молчит, только напряженно и недружелюбно смотрит на врача.

— Вы не помните вашу семью?

— Помню. Смутно...

— В некотором смысле это даже хорошо: сильные эмоции могли бы вам сейчас повредить! А так мы можем сконцентрировать наши усилия вокруг восстановления памяти... Расскажите все, что вы помните о семье.

Он наморщил лоб.

— Она москвичка. Жена, в смысле. Я женился на ней давно... — И он замолчал.

— Верно, — кивнул доктор. — Вы с ней познакомились, когда заканчивали институт. И вскоре поженились.

— А вы откуда знаете? — неприязненно спросил пациент.

— Ваши друзья рассказали. Для того чтобы опре-

делить, возвращается ли к вам память, мы должны знать факты вашей биографии.

— У меня нет друзей. Был один. Но вы сказали, что он погиб.

— Хорошо, коллеги, — не стал спорить врач. — Вы их помните?

Молчание.

— А друга вашего? Что можете о нем рассказать?

Не дождавшись ответа, врач продолжил:

— Вы дружили с детства. Оба родом из Анапы. Его зовут... — Врач снова подождал, но подсказки не последовало. — ...Владилен!

— Владилен? Вот! Вот как меня зовут, понятно?

— Сожалею, Владислав Сергеевич. Посмотрите, вот ваш рабочий пропуск, можете сами убедиться.

Руки дрожат и плохо слушаются, но слушаются. Пластиковая карточка с фотографией: «Владислав Сергеевич Филиппов».

— Но это не я!

— В каком смысле?

— Фотография не моя!

Врач посмотрел на него внимательно и тихо распорядился: «Принесите зеркало».

Принесли зеркало размером с книжку. Он посмотрел в него. Потом на фотографию.

— Не похож, — он резко бросил на пол и то и другое.

— Зря вы так, — обиделся доктор.

Он нажал на кнопку, и через десять секунд явилась Зина. Врач кивнул ей на осколки зеркала, и Зина принялась немедленно их замечать.

— А паспорт у меня есть?

— Разумеется. Только вы его сдали на обмен... Кроме вас, никто не может его получить. Но это ваша фотография, Владислав Сергеевич, поверьте! Мы вас собрали по кусочкам! Вы, можно сказать, влете-

ли в пень лицом на хорошей скорости. Что от него осталось — страшно рассказать. Мы вас восстановили по фотографиям... Если какое-то отличие есть, не обессудьте. Мы старались изо всех сил.

— И голос не мой, — заявил он. — Вы меня обманываете. Что со мной случилось на самом деле? Я обгорел в машине? У меня повреждены связки?

Врач покачал молча головой и доверительно присел на краешек его кровати.

— Незначительные надрывы от удара, не более... Как вам ни трудно смириться с этим, но я вам рассказываю правду. Я перечисляю факты — в надежде, что ваша память отзовется на них... Вашу жену звали Елена. Вашу дочь зовут Полина. И вы сами — Владислав Сергеевич.

— А Владилен кто?

Врач почему-то радостно кивнул.

— Вы знаете, откуда это имя, «Влад-и-лен»? «Владимир Ильич Ленин». Так называли вашего друга из Анапы его родители, в честь, так сказать, вождя пролетарской революции... И вы наверняка сейчас вспомните это... Ну же! Вы все детство дружили... В одном дворе росли! Припоминаете?

Он не припоминал. Какие-то обрывки, фрагменты, черно-белый калейдоскоп. Анапа, выбеленная солнцем, почерневшие от сладкой шелковицы губы, белый древний песок и два худых, до черноты загорелых тела на нем: его дружок Владька и сам он Владька, два задиристых галчонка... Владька не бегал с ним подсматривать за москвичками: он был помладше, девчонки его тогда еще не интересовали...

Тогда, в Анапе, в детстве... А теперь? Он ничего не понимал. Он попросил перенести разговор на завтра.

Но назавтра ничего не прояснилось. Он твердил, что фотография не его, что голос не его и лицо не его, что он не Владислав, что...

— А кто же вы? Чье это лицо, если не ваше?

— Оно мое... Но не совсем.

— А вы помните свое лицо? Закройте глаза и попытайтесь представить его. Ну как, получилось?

Он старательно закрыл глаза и попытался вспомнить... Ни черта не получалось.

— Вот видите, — укоризненно проговорил врач. — Вы себя просто забыли! На опознание мы пригласили ваших сотрудников, и они в один голос заявили, что вы — это вы. А вашего друга опознала его жена. Зина, пора инъекцию делать, на сегодня хватит!

* * *

...Ей снилось, что она сидит у печки и смотрит на огонь. Он рыжими лохматами ластился к закопченным стенкам печки. «Лохматы» — это мать ей так говорила в детстве: «Людка, приברי лохматы!»

Пахло гарью — пришлось закрыть печку. Но почему-то перед глазами все равно пляшут рыжие лохматы. И пахнет гарью. И поленья — они потрескивают со странным стеклянным звоном... У нее уже режет глаза и щиплет ноздри от дыма...

Очередной стеклянный взрыв поленьев заставил ее открыть глаза.

За окнами ее дачи плясал огонь.

Собственно, окон уже не было: стекла лопнули от жара. Поленья со *стеклянным звоном!*..

Она помедлила в кровати, никак не соображая, но уже догадываясь... Хотелось натянуть одеяло с головой, и больше не видеть этой кошмарной реальности, и поверить, что это сон...

Но это был не сон. Ее дом горел. Горел, подожженный *снаружи*.

Люля рывком поднялась, приказывая себе не впадать в истерику. Быстрее: одежда, сумка, что еще?! Ничего! Надо спасаться!!!

Она, кашляя и задыхаясь, оделась за полминуты и, прижав к боку сумку, кинулась к двери. Раскаленный засов обжег пальцы. Схватив тряпку, она отодвинула его. Повернула два обычных замка.

Вот оно что... Как же она сразу не сообразила, почему подожгли *снаружи*...

Дверь не открывалась! Люля не знала, чем ее заперли, но дверь не открывалась!

Она вернулась на середину комнаты. Огонь лез во все четыре окна старой дачи, дышать было нечем, она старалась удержаться от кашля и вдыхать неглубоко, осматриваясь по сторонам в поисках выхода. На кухне небольшой подпол, там можно спрятаться. Но он тоже деревянный: он прогорит, и Люля если не сгорит заживо, то задохнется...

Больше ничего не оставалось. Она схватила с кровати одеяло, завернулась с головой, разбежалась на четыре шага и выбросилась через горящее окно на снег. Сдирая с себя загоревшееся одеяло, она проползла еще несколько метров вперед и зачерпнула снегу, прижав его к голове: одеяло в прыжке соскочило с головы, и волосы подпалились. На безопасном расстоянии от дома Люля села прямо на снег, глядя, как огонь подбирается к крыше. Еще бы лишних десять минут сна или паники, и она бы уже не выбралась из огня.

Она отползла чуть подальше и вдруг подумала, что тот, кто поджег ее дачу, может сейчас наблюдать за ней из темноты, досадуя, что она опять увернулась от смерти. С чем на этот раз он выпрыгнет из тех

кустов, что у нее за спиной? С ножом? С удавкой? Или просто выстрелит ей в спину?

В ней все смерзлось от снега и от страха. Замедленно оборачиваясь, она заметила какое-то движение. И поняла, что на этот раз ей не спастись. Черный силуэт приближался к ней, а в ней все смерзлось от страха и снега. Ни встать, ни побежать, ни на помощь позвать.

Все. На этот раз он добьется своего.

— Людочка!!! — истошно кричал женский голос. — Людочка, вы же горите!!! Вы где?

За женщиной, перешагивая сугробы, пробирался мужчина в валенках, вглядываясь в огонь.

— Если она еще не выскочила, то уже все, поздно, пропала... — произнес он. — Ты пожарников вызвала?

— Да куда там! Я как увидела в окошко, что Людочкин дом горит, так только тебя в бок толкнула, пальто на ночнушку накинула и выскочила. И в тапках — полные ноги снегу теперь! Неужто ничего нельзя сделать, а, Миш?

— Ты поди домой, вызови пожарников и переоденься. И милицию вызови на всякий случай. Иди, Валь, поторопись! А я пока посмотрю тут.

— Что ты помотришь? — испуганно проговорила женщина. — Ты же не полезешь в огонь? Сам сказал: если она не выскочила, так уже поздно... Ты не вздумай, слышишь, Миш!

— Да не бойся ты, иди, переоденься, позвони! Мобильный на зарядке, на столе. Я только круг сделаю, погляжу, что к чему. Странное тут что-то...

Мужчина двинулся, держась на расстоянии от огня, в обход дома.

— Что? Что странное? — заволновалась женщина, семена за ним.